

Презентация
к уроку литературы
ученицы 11а класса
Маловой Ксении

ЛЮДМИЛА УЛИЦКАЯ

21 февраля 1943 (77 лет)

**Людмила Улицкая в детстве и в
молодости.**

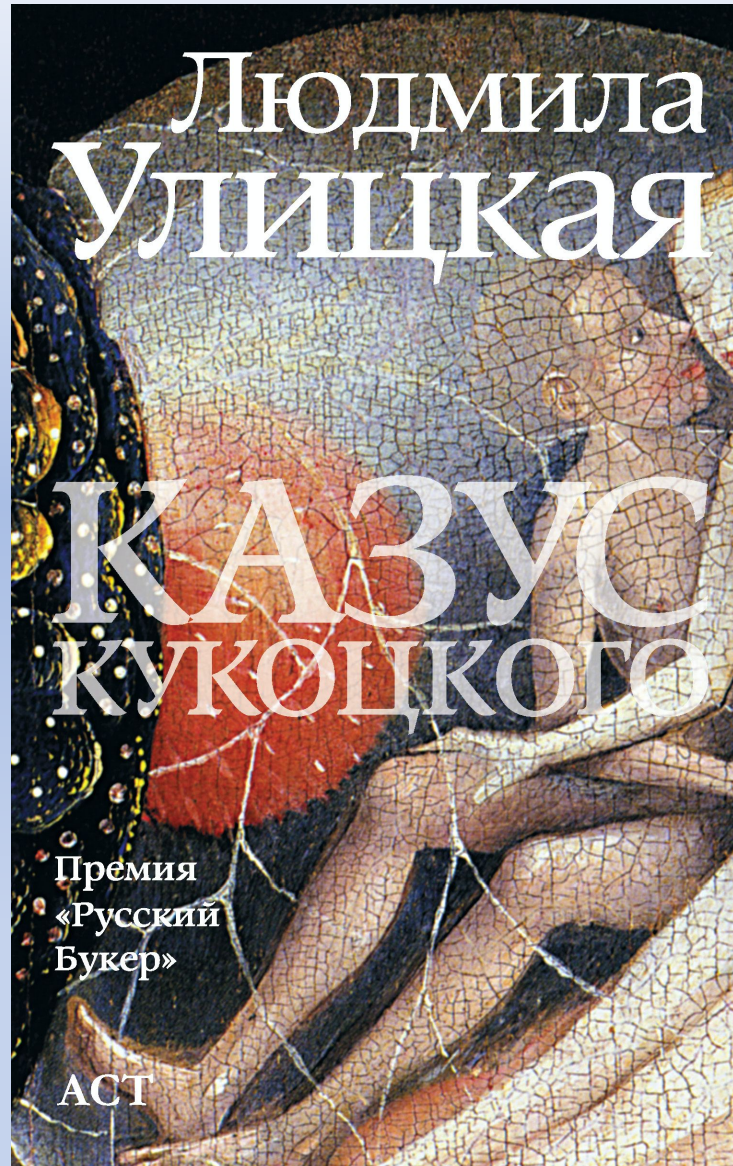

**Юрий Шерлинг и Людмила
Улицкая**

«Меддея и ее дети».

Свои лучшие поэтические строки Л.Улицкая предоставила главной героине своего романа «Меддея и ее дети». Этот роман принес Улицкой в 1997 году Букеровскую премию и широкую известность.

«Казус Кукоцкого» (2001г.)

Описывает жизнь семьи профессора Павла Алексеевича Кукоцкого на фоне истории Советского государства от момента его создания и до середины 60-х годов XX века. В 2005 году по роману снят одноимённый телесериал (режиссёр Ю. В. Грымов).

Автор-составитель
Людмила
Улицкая
Детство 45–53:
а завтра будет
счастье

Вячеслав Ищенко

БАЗАР СГОРЕЛ...

В ночь с 8 на 9 мая 1945 года меня разбудил душераздирающий крик. Я спал в «темной» комнате — была у нас такая, где совсем не было окон. Она, эта комната, надо сказать, изолирована была неплохо от остальной квартиры, но крик был таким резким и сильным, что его услышал даже я. Что уж говорить о других домочадцах и соседях по двору. Потом я узнал, что кричала Тася Ежова, подруга моих сестер, веселая и добрая девушка. Она кричала что-то для меня совершенно неразборчивое, но мне в ее словах почему-то послышалось, что... сгорел базар. Да, да, наш гурьевский городской базар, без которого невозможно представить жизнь того времени. Там покупали буквально все — от хлеба до сладких красных петушков на палочке. Может быть, именно поэтому я своим детским сознанием не мог представить худшего бедствия, чем потерю базара.

Но она кричала о Победе.

Потом у взрослых началась суета, а я уснул.

Проснулся утром, выглянул в окно из большой комнаты и увидел, что какой-то дядька прибывает к нашим воротам флаг. И опять наваждение: мне показалось, что красное полотнище оторочено широкой черной полосой. Откуда все это явилось в моих ощущениях — сгоревший базар, траурный флаг? Не знаю.

Потом я пришел на кухню и увидел, что матушка на столе месит тесто. Это был явный признак большого праздника. Я спросил: что, разве праздник? И мать ответила, улыбаясь и плача:

Детство 45-53

— Победа, сынок! Война кончилась...

Тут же она указала на прибитый к стене отрывной численник и сказала, что теперь эта черная девятка на нем будет красной. Странно, что нерабочим днем 9 мая стало, кажется, только в 1965 году.

Чуть позже я видел на улицах рыдающих и обнимающихся людей, толпу у магазина, куда меня, несмотря на мое малолетство, уже иногда посылали за покупками.

Фронтовиков окружали люди, что-то горячо говорили им, обнимали, целовали. У нас во дворе было весело и радостно.

В Гурьев пришла Победа.

Валентина Никитина

БЕЗЫСХОДНОСТЬ

Для меня первый год после смерти папы был годом разгула. Я в третьем классе, взрослая, самостоятельная. Не надо никого слушаться, в школе можно уйти с урока через окно, не готовить домашнее задание и вообще не кланчить (как другие) у Веры Владимировны сумку с учебниками и тетрадями, которую она отбирала у нас, отправляя за родителями. Можно безудержно хвастаться хорошей, сытной, просто замечательной домашней жизнью, потихоньку сглатывая голодную слюну при виде кусочка хлеба в руке своих товарищей. Была свобода от всех обязанностей: от выполнения школьных правил поведения, от домашней уборки — а что убирать, если в доме ничего нет. Ни-че-го. Столи две кровати с досками вместо сетки, сухие веничи (стебли трав) вместо матраца и рядюшка, чтоб от холода накрыться ночью. Холодная плита, на которой ничего не варится. Нас дважды за этот год

обокрали свои же сельские родичи и соседи. Мама, неграмотная безработная с тремя малолетками на руках, от горькой безысходности нашла единственный выход. Она запила.

А началось это так. Зашла к нам в гости соседка. Все ее звали баба Домка, говорили, что их семья богатая. Дочка Катя работает на мясокомбинате, мясо едят они каждый день. Я не верила этим рассказам. Как можно мясо есть каждый день? Мясо едят по праздникам, а их каждый день не назначают. Но в тот день баба Домка нам устроила праздник. Тяжело переваливаясь на кривых ревматических ногах, она опустилась на табурет возле импровизированного стола, покрытого вместо скатерти какой-то то ли серой бумагой, то ли старыми газетами, долго, подслеповато прищурившись, осматривала пустую кухню, посмотрела на маму, оглядела нас и достала из сумки одуряюще вкусно пахнувший сверток и маленький кувшинчик.

«Наверное, там молоко», — подумала я. Развернув сверток, баба Домка достала кусок кровяной колбасы, немного хлеба и попросила стакан.

«Сейчас нальет молока!» — ликовала моя душа, и бурно урчал голодный желудок, ликуя, как и я, в предвкушении молока.

Ах, если б я знала последствия этого праздника. Если б я могла предположить, сколько горя принесет нам то, что было в кувшине, я бы разбила его на мелкие-мелкие осколки. И наша мама, наша милая мама не стала бы со временем пьяным зверем, избивающим своих детей всем, что попадет под руку, пропивающим нашу маленькую пенсию за три-четыре дня, обрекая на медленную голодную смерть, постоянный позор от слов, бросаемых вслед: да это Гали

Детство 45–53

пьяницы байстрюки. Тяжело вздохнув, кивнув своим мыслям, баба Домка налила в принесенный стакан вина и сказала:

— Галочка, выпей стаканчик вина, а я хоть посмотрю, потому что пить не могу, мне нельзя.

Мама выпила. И впервые со дня похорон засмеялась, а мы поели колбасы с хлебом. Больше практически мы трезвой маму не видели. Сначала чуть подхмельком, она всё глубже увязала в пьяном угаре. В замутненном сознании ей виделась такая счастливая ее прежняя жизнь, а отрезвление порождало только еще большее желание не возвращаться в беспроглядную нищету.

Наталья Бруни

ОНИ СПАЛИ ПОД РОЯЛЕМ...

Детство мое было очень счастливым. Я обожала отца, он был красивый, высокий, кудрявый, пел и играл на рояле. Он прошел всю войну, у него были медали и он работал художником. Маму я очень любила, но оценила ее, только когда выросла. В 1964 году она с семьей вернулась в Россию из эмиграции и вышла замуж за папу, который не побоялся на ней жениться. Мы жили в коммуналке из восьми комнат. В нашей четырнадцатиметровой жили мама, папа и я с братом. В 1956-м родилась наша младшая сестра. В комнате стоял папин стол, за которым он работал. У нас было очень много родственников — бабушек, дедушек, дядей, тетей, двоюродных братьев и сестер. Мы все очень дружили и очень любили друг друга. Я знала, что брат моей бабушки и мой крестный — сидит. От меня не скрывали, что Сталин гад. Когда он умер, я спросила маму, почему его раньше все хвалили, а теперь ругают? Мама сказала: «Ты когда-нибудь слышала, чтобы его хвалили у нас в семье?»

Все мое детство было так: семья — это одно, а внешний мир — другое. Никакого раздвоения личности у меня не было, я была веселым и счастливым ребенком, ходила в детский сад и жила обычной детской жизнью, за исключением того, что мы ходили в церковь. В церкви в основном были старые женщины, мне кажется, что папа был единственным мужчиной, а мы с братом — единственные дети. Как-то я знала, что об этом не надо болтать. Мама читала нам вслух Библию с иллюстрациями Доре. Библия была на фран-

цузском языке, и мама переводила с листа. Никаких священных книг нельзя было купить, старые люди хранили дореволюционные издания: я помню эти молитвенники, подклеенные папиросной бумагой.

Я родилась в 1949 году, только отменили карточки, мама рассказывала, что в роддом ей приносили в виде передачи кисель. Я не помню вообще никаких фруктов в детстве. То есть летом в лесу были ягоды, это да. Мандарины мы видели на Рождество, они висели на елке вместе с золочеными орехами и свечками и необыкновенно пахли. Самое вкусное в детстве было бутерброд с любительской колбасой и пельмени.

В соседней комнате жила бабушка, папина мать, и мой дядя с тетей. Стоял рояль, а под ним кто-нибудь спал. Когда после смерти Сталина стали выпускать людей, бабушка принимала у себя бывших зэков, не боялась ничего, хотя в квартире жила стукачка, об этом знали. Не оказать гостеприимство было невозможно. Я помню некоторых, бабушка их кормила, они спали под роялем и утром исчезали.

Когда к власти пришел Хрущев, прошел слух, что могут дать квартиру, если написать ему личное письмо. Папа написал письмо об ужасах нашей жизни: «Больше всего тревожит, дорогой Никита Сергеевич, здоровье детей и т. д.». Другой мой родственник описывал свою жизнь так: «А ноги старухи упираются мне в лицо». Нам дали две комнаты в трехкомнатной квартире.

